

Едошина И.А. ©, Шилкина И.С.

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ: А.Н. ОСТРОВСКИЙ

Костромской государственный университет,

Кострома, Россия, tettixgreek@yandex.ru

Институт научной информации по общественным наукам РАН,

Москва, Россия, ishily@mail.ru

Аннотация. Главная тема статьи – биография деятеля культуры, предмет изучения – портрет А.Н. Островского. Цель статьи – представить существенные штрихи в биографии А.Н. Островского на фоне его времени, для чего привлекаются исторические факты, свидетельства современников, эпистолярный, мемуар. Основные методы – историко-биографический, аналитический, сопоставительный. В вводной части определяются основы предполагаемого портрета А.Н. Островского. Далее автором статьи выявляются содержательные аспекты в понимании А.Н. Островским купеческого мира, подчеркивается, что драматург первым в драматическом искусстве увидел в купцах основу будущего культурного и экономического развития России. Одновременно приводятся примеры того, что драматургом были выявлены нестроения в купеческом мирозерцании. Для того чтобы портрет А.Н. Островского был разносторонним и объективным, привлекаются свидетельства современников: из круга знакомых (П.И. Чайковский, В.Г. Перов, Л.А. Бернштам) и близких друзей (А.А. Григорьев, Ф.В. Бурдин, М.Н. Островский). Классик русской культуры, А.Н. Островский, в фокусе разных оценок предстает как человек неоднозначный, подчас противоречивый, однако всегда в высшей степени талантливый. В дискуссионной части статьи обозначены воз-

можные для обсуждения аспекты, касающиеся времени и собственно пьес драматурга в связи с его биографией. В итоговых наблюдениях подчеркивается, что портрет А.Н. Островского дан только в штрихах, но, казалось бы, известные факты подаются в новом ракурсе и акценты расставлены по-иному. В результате А.Н. Островский предстает и как человек-мыслитель, сумевший увидеть сущность социокультурных процессов, и как частный человек в его сугубо личностной биографии.

Ключевые слова: русская культура середины XIX в.; портрет; А.Н. Островский; купеческий мир; свидетельства современников.

Получена: 20.07.20

Принята к печати: 03.08.20

Edoshina I.A., Shilkina I.S.

Portrait against the background of the era: A.N. Ostrovsky

Kostroma State University,

Kostroma, Russian, tettixgreek@yandex.ru

Institute of Scientific Information in Social Sciences

of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ishily@mail.ru

Abstract. The main theme of the article is the biography of a cultural figure. The subject of the article is the image of A.N. Ostrovsky. The purpose of the article is to show significant issues in the biography of A.N. Ostrovsky against the background of his time. For this purpose author uses historical facts, testimonies of contemporaries, epistolary, memoir. The main methods are historical and biographical, analytical, comparative. The introductory part describes A.N. Ostrovsky's suggested image. Further, the author of the article reveals substantive aspects in A.N. Ostrovsky's view on the merchant world. The playwright was the first person in dramatic art to see in the merchants the basis of the future cultural and economic development of Russia. At the same time, the article reveals turmoils of the merchants' world vision. In order to make the portrait of A.N. Ostrovsky versatile and objective, testimonies of contemporaries are used: from a circle of acquaintances (P.I. Tchaikovsky, V.G. Perov, L.A. Bernstam) and close friends (A.A. Grigoryev, F.V. Burdin, M.N. Ostrovsky). The portrait of the Russian classic A.N. Ostrovsky, who was in the focus of various assessments, presents him as an ambiguous, sometimes contradictory, but always highly talented person. The discussion

part highlights possible aspects for the discussion: time and analysis of the playwright's works concerning his biography. The final observations emphasize that in the article the portrait of A.N. Ostrovsky is given only in strokes. The article shows well-known facts and at the same time creates new points of discussion. As a result, A.N. Ostrovsky appears both as a thinker who managed to see the essence of socio-cultural processes, and as a person in his purely personal biography.

Keywords: Russian culture of the mid 19 th century; portrait; A.N. Ostrovsky; merchant world; testimonies of contemporaries.

Received: 20.07.20

Accepted: 03.08.20

Введение

Создание портрета изобразительными (краски, карандаш и т.д.) или словесными средствами всегда дело непростое. Пишущий оказывается перед дилеммой, как соблюсти равновесие между собственным восприятием и сходством с оригиналом. Хотя подобная дилемма является актуальной только для искусства до эпохи модернизма, постмодернизма и времени культуры *post* (В.В. Бычков). Но последнее есть ровно та культура, которая длится сейчас. Возможно ли в таком случае ее преодолеть или сделать вид, что ее просто как бы нет, потому что цель, как в данном случае – написать словесный портрет человека, жившего в XIX в.? Наверное, полного преодоления не случится – нельзя уйти от себя самого, как невозможно думать о мыслительной деятельности вне самой этой деятельности.

Полагаю, выход здесь один: думать в пределах категорий той эпохи, в которую жил герой твоих размышлений, не накладывать на него позднейших представлений. Хотя именно такого рода наложение сегодня процветает в постановках классических произведений, в их интерпретациях. Классика – всего лишь повод к собственному высказыванию, ведь автор, как известно, *умирает*, отдав свой текст другим, перестав быть его единоличным владельцем.

Но можно ли вообще написать объективный портрет, если исследователь изначально маркирован субъективностью как личность? Близким по содержанию вопросом задан в свое время

М.П. Погодин, задумав написать биографию Н.М. Карамзина, и нашел следующий ответ:

«Большая часть известных сочинений биографических производит в читателе впечатление, так сказать, смешанное: к лицу биографии присоединяется лицо автора с его взглядами на вещи, и читатель невольно ставится на ту точку, на коей стоял сам автор, принужден бывает смотреть его глазами, или в его очки, так что предмет биографии является не столько в своем свете, сколько в тени, падающей на него от автора.

Карамзин, по моему мнению, представляет собою такое высокое, своеобразное, удивительное лицо в истории русской жизни, нашего общественного образования, не только в истории русской словесности, что всякая примесь в его биографии, в каком бы то виде ни было, казалась мне помехою неуместною, непозволительным развлечением. Карамзина, думал я, нужно изолировать, как выражаются физики, обособить совершенно, чтоб читатели для лучшего своего назидания видели его одного, а все прочее – только в отношении к нему.

И вот я, откинув в сторону всякие мысли об авторском самолюбии, пренебрегая заранее возгласами, которые раздадутся из противных лагерей, принялся отыскивать в сочинениях и письмах Карамзина характеристические черты, выражающие сущность его природы во всех отношениях, подслушивать его искренние речи с ближними, подсматривать его невольные движения, угадывать его заветные мысли, ловить звуки, вырывающиеся из его сердца в различных обстоятельствах жизни. Я обращался с своими вопросами к его современникам, припоминал все, мною слышанное и узнанное с тех пор, как себя помню, а сам при передаче полученных сведений прятался за кулисами, за ширмами, являясь только в необходимых случаях на сцену для пояснения или дополнения» [Погодин, 1866, с. I-II].

Последуем и мы за М.П. Погодиным, задавшись целью создать портрет А.Н. Островского (1823-1886) в том времени, когда он жил.

Купеческий мир в прозрениях А.Н. Островского

Купечество как основа культурного и экономического развития России

Жизнь человека всегда помещена в ту или иную эпоху, в те самые времена, которые не выбирают, в которые человека просто вбрасывает время его рождения. Для А.Н. Островского – это не совсем начало XIX в. и не совсем его конец, некая срединность, правда, отмеченная важнейшим историческим событием – отменой крепостного права. Однако событие это вообще никак не отразилось ни в его творчестве, ни в его эпистолярии, ни в его дневниковых записях. Полагаем, не отразилось потому, что лежало на поверхности, было всем известным, ожидаемым и не содержало никакой скрытой интриги. Зато такую интригу он явно уловил в купечестве. Именно А.Н. Островский сделал купцов действующими лицами на сцене Императорских (шире – российских) театров, причем в то время, когда никто не видел в купечестве той силы, какой она явится уже после смерти драматурга в знаменитых купеческих родах Третьяковых, Алексеевых, Кузнецовых, Бахрушиных, Елисеевых, Зиминных, Кондрашевых, Мамонтовых, Морозовых, Оловянишниковых, Прохоровых, Толоконниковых, Щукиных и др. Но уже при жизни А.Н. Островского среди любителей древностей была широко известна коллекция икон, любовно и со знанием дела собранная купцами Ф.А. и А.А. Рахмановыми.

Купцы, особенно из старообрядцев, традиционно селились в родном для А.Н. Островского Замоскворечье, окраины которого обживали ушедшие со сцены актеры. Будущий драматург реально жил среди своих будущих персонажей и тех, для кого игра – профессия. Купцы (особенно старообрядцы) были людьми грамотными, глубоко верующими, внешне словно сошедшими с картин: еще в начале XIX в. они носили бороды, старинные кафтаны, и в их лицах «было что-то византийское» [Рябушинский, 1994, с. 141]. Сохранило купечество и основные ценности: кроме искренней веры в Бога (у А.Н. Островского особенно явственно – Вера Филипповна в «Сердце не камень», Ксения в «Не от мира сего»), это были честное купеческое слово (именно за его нарушение будет жестоко наказан купец Большов в пьесе «Свои люди – сочтемся!») и ответственность перед обществом за свое богатство (утверждение Василькова, хотя и дворянина, но более похожего на

купца, из «Бешеных денег», что как бы он ни любил Лидию, из бюджета не выйдет).

Все названные ценности не были актуальными для русского образованного общества в XIX в., потому купцы воспринимались как нечто отсталое, необразованное и неумное, но почему-то имеющее большие деньги, с которыми приходилось как-то считаться. В.А. Гиляровский утверждал, что прототипом купца Хлынова в «Горячем сердце» послужил Михаил Алексеевич Хлудов (1843-1885) – гуляка, бузотер и одновременно герой, награжденный Георгиевским крестом, сербским орденом за храбрость [цит. по: Гиляровский, 1988, с. 85–87]. Он был из знаменитого купеческого рода Хлудовых [подробнее см.: 1000 лет, 1995, с. 305–315]. Другой представитель этого рода – Алексей Иванович Хлудов (1818-1882) – богатый купец-единоверец, много ездил по миру и собрал роскошную коллекцию древних рукописей и старопечатных книг (более тысячи, среди них знаменитый греческий кодекс IX в., за которым закрепилось имя его владельца – Хлудовская псалтырь). А.И. Хлудов был исследователем, автором статей, знал иностранные языки, среди них – древнегреческий. Определенные черты А.И. Хлудова обнаруживаются, на наш взгляд, в Савве Геннадьиче Василькове из «Бешеных денег». Он много ездил по миру, знал языки, включая древнегреческий. Богатством своим не хвастался, а употреблял его в дело. Умный, с открытым сердцем, сильный человек и в то же время с такой цветочной фамилией – Васильков.

Открытие А.Н. Островским купечества как мощной силы в развитии государства Российского случилось не вдруг и не на пустом месте. Обучаясь в Императорском Московском университете, писатель слушал лекции по истории, которые читал М.П. Погодин, высоко ценивший купечество, о чем свидетельствует его речь, произнесенная 26 февраля 1856 г. на обеде во время празднеств, посвященных севастопольским морякам: «Оно (московское купечество. – *И. Е., И. Ш.*) служит верно отечеству своими трудами, и приносит на алтарь его непрерывные жертвы. Ни один торговый город в Европе не может сравниться в этом отношении с Москвою. Но наши купцы не охотники еще до истории: они не считают своих пожертвований, и лишают народную летопись прекрасных страниц. Если бы счесть все их жертвования за нынешнее только столетие, то они составили бы такую цифру, какой должна поклониться Европа. И не бывает в Москве никогда промежутка, чтоб переводились даже частные благотворите-

ли между купцами. Скончается один, является другой. Свято место не бывает пусто. Каков был Крашенинников? До 10 миллионов простиралось количество его пожертвований. Колесов, Лепёшкины, оставили завещания, изукрашенные делами благотворительности. Сколько назначил для добра Рахманов, нашедший себе достойного душеприказчика в Солдатенкове. А сам Солдатенков, а Набилков, Лобков, Гучковы, Прохоровы, Куманины, Алексеевы! Всех и не перечтешь! Да здравствует и успеваает во всех своих добрых делах знаменитое, благотворительное Московское купечество!» [Погодин, 1856]¹. Как видим, М.П. Погодин обнаружил в купцах одну значимую черту – благотворительность.

Конечно, это было сказано М.П. Погодиным много позднее того времени, когда у него учился будущий драматург, но А.Н. Островский слушал лекции уже сформировавшегося ученого со сложившимся мировоззрением и взглядом на русскую историю. Свои первые шаги на драматургическом поприще А.Н. Островский будет делать при прямом содействии М.П. Погодина. Ему он признается, что не хочет хлопотать о своей пьесе «Бакрут» («Свои люди – сочтемся!»), где главные действующие лица именно купцы (причем выведенные негативно), потому что не хочет нажить себе врагов и даже неудовольствия: «Исправители найдутся и без нас (курсив мой. – *И. Е., И. Ш.*). Чтобы иметь право исправлять народ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за ним и хорошее» [Островский, 1853, с. 57]. Вот это словно бы сброшенное «без нас» свидетельствует о глубинной внутренней общности драматурга с историком, той общности, что много больше и значительнее всех денежных расчетов, которыми полны письма А.Н. Островского к М.П. Погодину. Идя вслед за своим учителем, он находит «хорошее» в купеческом мире: залог развития русской экономики. Такому взгляду способствовала также служба А.Н. Островского в Совестьном и Коммерческом судах, где рассматривались гражданские дела купцов. Но увидев в купечестве присущие ему положительные черты, драматург улавливает и внутренние «трещины», тогда еще никому не видимые.

¹ Позднее высокую оценку представлению А.Н. Островским купеческого мира на сцене даст П.А. Бурыйшкін: «Не подлежит сомнению, что Островский искренне стремился дать лишь верное изображение обрисовываемой им среды» [Бурыйшкін, 1991, с. 55].

Нестроения в купеческом мирозерцании

По времени своей жизни А.Н. Островский оказался свидетелем условно срединного эпизода в истории московского купечества: еще не совсем ушли традиции Домостроя, но уже явно ощущались перемены. В его хрестоматийной пьесе «Гроза» старшее поколение купеческого рода – Марфа Игнатьевна Кабанова, Савел Прокофьевич Дикой – воспринимается как нечто чуждое следующему поколению. По существу, их обманывают самые близкие – дети и племянники. Тихон втайне от матери попивает, мечтая об одном – как бы вырваться из дома на свободу, где он сможет погулять открыто. Собственно, вот и все мечты. А.Н. Островский никак и нигде не сообщает, был ли он рачительным хозяином. Скорее всего, нет, и впереди (после смерти матери) его ждет возможное разорение, когда закончатся деньги отца. Варвара втайне бежит ночами на свидания в овраг, отгуливая в оправдание сейчас свое будущее домашнее затворничество в замужестве. Хотя и это затворничество весьма относительное, судя по тому, как она легко втягивает Катерину в грех прелюбодеяния. Кабанова-старшая не может этого не знать, ведь в доме есть прислуга, да и сама она человек неглупый, но не умеет вернуть выросших детей в те традиции, в которых воспитывалась. Свое бессилие что-либо изменить Кабанова-старшая и Дикой скрывают за бранью, за нотациями, за призывами следовать обычаям предков, но их никто не слышит. Потому в финале «Грозы» рыдающий сын, склонившись над женой-самоубийцей и прелюбодейкой, бросает в лицо матери гневное публичное обвинение: «Маменька, вы ее погубили! Вы, вы, вы...» [Островский, 1974, с. 265].

Этот эпизод наглядно свидетельствует, что в обращении к купеческой тематике сказалось умение А.Н. Островского обнаруживать то, чего многие просто не видели. Он не только предсказал будущее значение купечества для экономического и художественного взлета русской культуры, но указал на те нестроения, которые не позволят купечеству стать мощной силой на пути уничтожения русской государственности. Крестьянские корни купечества имели своей почвой русскую традиционную культуру, которой сами же купцы и стеснялись. Им словно хотелось забыть об этих корнях, переделать самих себя под людей иных страт, например, дворян, приобщиться к передовым (читай: революционно-нигилистическим) воззрениям на мир и государ-

ственное устройство. Парадокс, но именно купцы, с одной стороны, строили храмы, а с другой – оказывали финансовую поддержку тем, кому эти самые храмы были абсолютно чужды, т.е. революционерам всех мастей. Вот этот, внутренний, драматизм купечества А.Н. Островский смог увидеть именно по той причине, что обладал драматургическим даром. Сумели современники разглядеть этот дар в нем или нет, позволит понять обращение к их свидетельствам об А.Н. Островском.

А.Н. Островский в кругу современников

П.И. Чайковский, В.Г. Перов, Л.А. Бернштам

Начнем с того, что еще при жизни А.Н. Островский был очень популярен. Как пишет в воспоминаниях Константин Коровин, «русский народ любил театр... “Лес” Островского знали во всех городах. Аркашку и монолог Несчастливцева: “Я говорю и думаю, как Шиллер, а ты, как подъячий” – знали все и восхищались. Театр воспитывал и восхищал душу» [Константин Коровин вспоминает ..., 1990, с. 269]. Собственно, к этому и стремился сам драматург, фактически оказываясь, как подметил Аполлон Григорьев, на пути «вагнеризма», с его демократическими принципами, дающими «наслаждение массам». Это наслаждение менее всего связано с эстетическими тонкостями («соловьиным горлышком»), но с «внутреннюю трагическую силою артистической души» [Григорьев, 1980, с. 405, 406, 407]. Хотя драматургу были не чужды иные устремления, что свидетельствует о художественной широте его интересов в искусстве, в частности, в области музыки, которую он любил, знал нотную грамотность, умел играть на музыкальных инструментах, неплохо пел. (Эти качества проявятся в родном брате по отцу драматурга – Андрее Николаевиче Островском, а стало быть, заложены в самом роде драматурга.)

Так, среди хороших знакомых А.Н. Островского был Петр Ильич Чайковский. Драматург мечтал, что они с композитором вместе напишут либретто, действие которого происходит при Александре Македонском, чтобы в итоге появилась опера в традициях «обстановочной и пышной французской и итальянской оперы» [Гозенпуд, 1981, с. 157]. Заметим, П.И. Чайковский не раз брался за написание музыки к пьесам А.Н. Островского, но всегда что-то было не так. В результате

написанными оказались увертюра к «Грозе», опера на либретто «Воеводы» (после премьеры композитор ее сжег), отдельные музыкальные сцены к «Дмитрию Самозванцу и Василию Шуйскому». Более всего повезло «Снегурочке», интродукцией и двадцатью отдельными номерами к которой остались довольны и композитор, и драматург.

Казалось бы, портрет драматурга, который видел весь смысл своей творческой деятельности в театре, должен включать элемент его причастности к искусству. Однако ничего подобного не обнаруживается в известном, везде публикуемом «при А.Н. Островском» портрете В.Г. Перова, написанном художником в 1871 г. по заказу П.М. Третьякова. Этот портрет на выставке художников-передвижников «нискал восторженные отзывы художественных критиков» [Портретная галерея, 2014, с. 146]. А вот сам драматург нигде и никогда ни словом не обмолвился об этом портрете, на котром он изображен в домашнем халате. Он – сноб до мозга костей, тщательно следивший за своей одеждой, о чем свидетельствуют его фотографии этого времени, почему-то оказался на людях в халате, пусть и отороченном мехом. Как Н.А. Добролюбов навсегда буквально приклеил к действующим лицам в пьесах А.Н. Островского определение «темное царство», «луч света в темном царстве», так В.Г. Перов навечно одел драматурга в халат. В 1882 г. скульптор Л.А. Бернштам выполнил в гипсе бюст драматурга. А.Н. Островский вновь в халате, но халат этот в бюсте ненавязчив, зато очень выразительное, с правильными чертами лица человека, прошедшего свой тяжкий путь познания бытия. Это лицо мыслителя. В А.Н. Островском, видимо, работа Л.А. Бернштама нашла отклик, поэтому он при случае оказал скульптору помощь. Хотя прямых оценок бюста, который так и остался не переведенным в материал, нет.

Ближний круг А.Н. Островского

А.Н. Островский был закрытым человеком, не стремившимся оставлять на бумаге или доверять разным людям, пусть из ближайшего окружения, своих чувств и дум. Всё – в пьесах. В «Талантах и поклонниках» главную героиню зовут Александра Николаевна Негина, единственный случай совпадения имени-отчества драматурга и действующего лица в его пьесах. И то это совпадение имеет иной род – женский, чтобы, видимо, не было прямых ассоциаций, но и все же не

без следа узнаваемости. Пьеса из театральной жизни рассказывает, как неразрывно связаны творчество и деньги, которых всегда не хватает, всегда есть долги, а потому приходится торговать своим талантом. Практически все письма А.Н. Островского – об этом. Фамилия героини – Негина, от неги, несбыточной мечты вечного труженика А.Н. Островского.

По-разному относились современники к драматургу, а он, естественно, к ним. Многие (в том числе из близкого круга) видели в А.Н. Островском человека, высоко оценивающего самого себя, любящего о себе говорить. Возможно, это была его своеобразная защита от вечной критики.

Но если его отзывы, в силу уже названной особенности личности А.Н. Островского, нужно собирать по крупицам и складывать, как затылочную мозаику, то с воспоминаниями намного проще. В 1966 г. вышел сборник, подготовленный одним из известнейших его исследователей А.И. Ревякиным, под названием «А.Н. Островский в воспоминаниях современников», где собраны разные отклики, в сумме дающие представление о непростом характере драматурга, опубликованы письма драматурга и частично – письма к нему. Приведем некоторые свидетельства.

А.А. Григорьев, Ф.А. Бурдин, М.Н. Островский

П.Д. Боборыкин пишет: «Культом Островского отличался только Аполлон Григорьев – в театральной критике. На сцене о пьесах Островского хлопотал всегда актер Бурдин, но дирекция их скорее недолюбливала» [Боборыкин, 1966, с. 183]. В двух приведенных предложениях сказано очень много. Действительно, при жизни А.Н. Островского постановки его пьес подвергались в прессе жесточайшей критике. Каков бы ни был успех, всегда находилось «но», всегда автор что-то недоделал, недописал, всегда излишне тороплив и т.д. Только Аполлон Григорьев, угадавший в А.Н. Островском гения уже при первых шагах его на драматургическом поприще, неизменно высоко оценивал его пьесы [подробнее см.: Едошина, 2013, с. 32–42]. Вот эта неизменность именуется П.Д. Боборыкиным «культом Островского».

В представленной оценке скрыто много, если учесть, что сам Аполлон Григорьев, будучи человеком философического склада ума, ничуть не хуже А.Н. Островского владел художественным словом:

стихи, автобиографическая проза, переводы, статьи на самые разные темы в области искусства, игра на гитаре и пение – все было ему подвластно.

Он видел в драматурге скромного человека, а вот, например, исследователь народной мифологии А.Н. Афанасьев пишет в письме о юбилее М.С. Щепкина: «...Островский остроумно заметил, что Пушкин умер, что Гоголь тоже умер, что ради сей законной причины оба они не могли присутствовать на юбилее, и что вследствие того он сам, г. Островский, принял на себя труд учинить М. С-чу поздравление от имени вышереченных Пушкина и Гоголя. Не правда ли, это очень скромно?» [Афанасьев, 1984, с. 146].

Аполлон Григорьев искренне любил дарование А.Н. Островского. На один из дней его рождения он дарит драматургу отпечаток своей статьи «О комедиях Островского» с надписью «А.Н. Островскому от верующего в него Аполлона Григорьева» [Коган, 1953, с. 62].

К сожалению, из их переписки сохранилось лишь несколько писем, но по другим свидетельствам известно, что они часто встречались по самым разным поводам, входили в состав «молодой редакции» журнала «Москвитянин». Отношения их не были безоблачными. Остались сведения о разногласиях, например, в оценке игры В.В. Самойловой, которую хвалил Аполлон Григорьев и категорически не принимал А.Н. Островский. Но в принципе, конечно, драматург не мог не оценить статей Аполлона Григорьева, в которых его творчеству давались самые благожелательные характеристики. Но не это главное, их соединяло нежелание *врать в искусстве*. Из сохранившегося фрагмента письма А.Н. Островского к Аполлону Григорьеву: «...я буду делать дело, какое умею и для которого чувствую в себе силы» [Островский, 1862, с. 165]. Этот постулат полностью разделял Аполлон Григорьев.

Финал его жизни был трагичным. Летом 1864 г. он за долги вновь оказался в долговой яме, откуда писал письма своим друзьям, странным образом не прося ни у кого помощи и, видимо, на нее не надеясь. В начале сентября его выкупила одна богатая дама в надежде получить бесплатно его сочинения. А 25 сентября Аполлон Григорьев умер от, как тогда говорили, апоплексического удара (инсульта). На следующий день Д.В. Аверкиев в письме к А.Н. Островскому пишет: «Нашего Аполлона не стало. Вчера в 3 часа он умер от удара. Вас, которого Григорьев так горячо любил, считаю долгом уведомить об

этом первого» [Аверкиев, 1864, с. 7]. На похоронах 28 сентября были Ф.М. Достоевский, Д.В. Аверкиев, Н.Н. Страхов, Вс. Крестовский, А.Н. Серов и несколько человек из соседей А.А. Григорьева по долговой тюрьме. В книге воспоминаний «За полвека» П.Д. Боборыкин назвал эти похороны *глубоко печальными*. А.Н. Островский на похороны не приехал. Хочется, конечно, думать, что просто не успел. Но нигде не сохранилось никаких следов его отклика на эту смерть, как и свидетельств о каких-либо попытках вызволить А.А. Григорьева из долговой ямы.

По-настоящему близкими людьми для А.Н. Островского были актер Федор Бурдин и брат Михаил Островский, министр. Оба, вполне финансово состоятельные люди, принимали в жизни драматурга самое искреннее участие, и А.Н. Островский отвечал им взаимностью.

Если верить дошедшим до наших дней рецензиям на спектакли по пьесам А.Н. Островского, в которых играл Ф.А. Бурдин, то его актерские возможности были невелики, его часто упрекали в наигрывании, в использовании разного рода аффектов. Именно в игре Ф.А. Бурдина современники усматривали одну из причин критики в адрес драматурга, просили не давать ему ролей¹. Но как раз этого А.Н. Островский и не мог сделать. Причина не только в том, что Ф.А. Бурдин помогал драматургу в прохождении его пьес через цензуру, решал разного рода финансовые проблемы, всегда готов был исполнить любое его поручение.

Иное лежало в основе их несомненной дружбы – любовь к театру, любовь искренняя, всепоглощающая. Не случайно свои воспоминания о драматурге Ф.А. Бурдин начинает именно с театрального мотива: «Наши первые отношения с Александром Николаевичем Островским начались с московской гимназии, в 1840 году, где я учился вместе с ним и его братом Михаилом Николаевичем. Александр Николаевич был старше нас на три класса, и тогда уже он любил театр, часто посещал его; мы с великим удовольствием и интересом слушали его мастерские рассказы об игре Мочалова, Щепкина, Львовой-Синецкой и др.» [Бурдин, 1966, с. 328].

¹ Хотя, например, П.П. Гнедич указывал, что именно как «вторая величина он принес немало пользы театру» [Гнедич, 1918, с. 17]. Действительно, на основании своего сценического опыта Ф.А. Бурдин напишет «Краткую азбуку драматического искусства. Практические советы молодым людям» [Бурдин, 1886].

Увлечение театром было, видимо, таким сильным, что Ф.А. Бурдин, не окончив гимназического курса, устраивается суфлером в Малом театре, с которым будет связана вся творческая деятельность А.Н. Островского, и Ф.А. Бурдин (хотя в итоге будет играть на сцене Александринского театра в Петербурге) станет для него человеком, принимающим близко к сердцу драматическое искусство [Островский, 1866, с. 234]. Совсем не случайно Н. Кашин, посвятивший жизнь изучению творчества А.Н. Островского, готовит к изданию в 100-летний юбилей драматурга его переписку с Ф.А. Бурдиным, которая занимает 455 страниц. При всех огрехах этой публикации (нет комментариев, не всегда верная датировка писем, из всего справочного аппарата представлен только Именной указатель, правда, частично раскрытый) она по сей пору остается самым достоверным документом о глубокой искренней дружбе драматурга и актера, документом, позволяющим увидеть в А.Н. Островском не памятник, а человека с его радостями и горестями.

Несмотря на приятельские отношения, А.Н. Островский не всегда соглашался отдать Ф.А. Бурдину желанную для него роль, и актер не обижался, принимал решение своего друга, в котором глубоко чтит художественное дарование. Не обиделся он и на сомнения драматурга в надобности писать Ф.А. Бурдину «Азбуку драматического искусства». Ф.А. Бурдин искренне любил А.Н. Островского, а потому принимал его таким, каков он есть. При всей своей сдержанности в выражении чувств и мыслей А.Н. Островский не мог не ценить своего Федяшу – ни к кому более он не обращался столь непринужденно.

К сожалению, письма А.Н. Островского к брату Михаилу не сохранились или, возможно, пока просто не обнаружены. Зато письма М.Н. Островского к брату Александру до нас дошли, хотя опубликованы только частично. Уже ранние письма М.Н. Островского свидетельствуют, что между братьями были самые искренние и доверительные отношения, в чем немалую роль сыграло детство, лишенное материнской любви: их мать, Л.И. Островская, умерла во время очередных родов, когда Александру было восемь лет, а его брату – четыре года. Если молодой, только начинающий свою карьеру Михаил обращается к брату за финансовой помощью, то в будущем, заняв высокий пост, именно он выкупит (правда, А.Н. Островский постепенно вернет ему эти деньги) у мачехи имение Щельково, куда драматург будет приезжать каждое лето и где найдет свое вечное упокоение.

В честь брата драматург назовет одного из своих сыновей Михаилом. Более того, встречается имя Михаил и в пьесах А.Н. Островского, причем в весьма любопытном контексте.

Впервые Михаил в несколько старинной огласовке обнаруживается в «Бедной невесте» – Михайло Иванович Хорьков, затем в образе главного героя «Бальзаминовской трилогии» – Михайло Дмитрич Бальзаминов, далее в «Волках и овцах» – Михаил Борисович Лыняев, наконец, в совместной с Н.Я. Соловьевым пьесе «Дикарка» – Михаил Тарасыч Боев, холостяк. Выстраивается такая линия: от влюбленного Хорькова – к Бальзамину, хотящему жениться, далее – к Лыняеву, не хотящему жениться, но которого-таки женят, и, наконец, – к холостяку Боеву. Напомним, М.Н. Островский остался холостяком, как и его племянник-тезка.

Этот мотив не-женитьбы был вовсе не чужд и самому А.Н. Островскому, прожившему двадцать лет в гражданском браке с Агафьей Ивановной. В этом браке рождались и умирали дети, никогда не носившие его фамилии. В период этого брака А.Н. Островский страстно влюбился в актрису Л.П. Никулину-Косицкую, отношения с которой длились на протяжении десяти лет. На ней, единственной, он *хотел* жениться, но актриса (кстати, бывшая замужем) ответила отказом. В эти же годы у драматурга была связь с актрисой М.В. Бахметьевой (по сцене Васильевой), родившей от него нескольких детей. А вот и развязка всей этой истории. 6 марта 1867 г. умирает Агафья. А.Н. Островский даже не помышляет жениться на М.В. Бахметьевой. 5 сентября 1868 г. умирает Л.П. Никулина-Косицкая. М.В. Бахметьева ждет четвертого ребенка. И вот, видимо, навсегда потеряв любимую женщину, думая о судьбе уже родившихся детей, он в начале января 1869 г. пишет письмо к брату Михаилу с вопросом отнюдь не о женитьбе. Иное его волнует: нет ли возможности сделать детей своими законными, т.е. дать свои фамилию и отчество. (По тогдашнему законодательству не освященные церковью браки считались незаконными, а дети, рожденные в таких браках, не могли носить фамилию и отчество отца.) Обращается не случайно, ведь брат имеет юридическое образование, занимает высокий пост. Само письмо драматурга не сохранилось, о его содержании узнаем из ответного письма М.Н. Островского: «Ты спрашиваешь моего совета о том, – как тебе сделать детей твоих законными. Но ты, конечно, сам знаешь, что для этого прежде всего надо жениться на их матери. Таким образом, все сводит-

ся к вопросу: жениться ли тебе на Марье Васильевне? Но для решения этого вопроса необходимо знать различные подробности, которые мне неизвестны, а потому я и не могу дать в этом вопросе прямого и положительного ответа. Я вообще враг всех ложных отношений, особенно же к женщинам и законные к ним отношения предпочитаю незаконным» [Островский, 1869, с. 254]. В этом признании М.Н. Островский абсолютно искренен, ни для кого из современников не были секретом его отношения, например, с супругой Е.М. Феоктистова, который находился в прямом его подчинении.

Не найдя никакого иного способа сделать своих детей законными, памятуя о собственном сиротстве, А.Н. Островский 12 февраля 1869 г. венчается с М.В. Бахметьевой, «милочкой Машей», как будет он именовать ее в письмах. Детей своих он любил всей душой, давая им родовые имена. Но более всего на свете он любил театр, запах кулис, актеров, которые нередко приносили ему подчас невыносимые страдания от плохо выученного текста, от его ложного звучания, но без театра и без сцены своей жизни не мыслил.

Дискуссия

Представленный абрисный портрет А.Н. Островского может быть дискуссионным в следующих аспектах:

- представления самого времени, заявленного в названии;
- только упоминаемых пьес драматурга, вне их подробного анализа в связи с привязкой к его жизни.

Выводы

В статье жизнь А.Н. Островского дана в нескольких штрихах, без претензии, конечно, на какую-либо полноту. Но штрихи эти, по нашему разумению, существенные, показывающие саму личность драматурга в разных ракурсах, прежде всего, как глубокого аналитика русской жизни и как человека с присущими ему увлечениями, не всегда совпадающими с представлениями о классике, каковым, вне всяких сомнений, является А.Н. Островский.

Список литературы

Аверкиев Д.В. Письмо Д.В. Аверкиева к А.Н. Островскому от 26 сентября 1864 г. // Неизданные письма к А.Н. Островскому // По материалам Гос. театрального музея им. А.А. Бахрушина. – М.; Л., 1932. – С. 7.

Афанасьев А.Н. Письмо А.Н. Афанасьева к Е.И. Якушкину от 29 ноября 1855 г. // Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество: в 2 т. / вступ. статья О.М. Фельдмана; коммент. Т.М. Ельницкая, Н.Н. Панфилова, О.М. Фельдман. – М.: Искусство, 1984. – Т. 2. – С. 145–148.

Боборыкин П.Д. Островский на любительской сцене // А.Н. Островский в воспоминаниях современников / сост., подгот. текста и примеч. А.И. Ревякин. – М.: Художественная литература, 1966. – С. 183–188.

Бурдин Ф.А. Краткая азбука драматического искусства. Практические советы молодым людям. – М.: Изд-во театральной библиотеки С.Ф. Разсохина, 1886. – 35 с.

Бурдин Ф.А. Из воспоминаний об А.Н. Островском. Материалы для биографии // А.Н. Островский в воспоминаниях современников / сост., подгот. текста и примеч. А.И. Ревякин. – М.: Художественная литература, 1966. – С. 328–340.

Бурышкин П.А. Москва купеческая: Мемуары / вступ. статья, коммент. Г.Н. Ульяновой, М.К. Шацилло. – М.: Высшая школа, 1991. – 352 с.

Гиляровский В.А. Москва и москвичи. – Ташкент: Узбекистан, 1988. – 383 с.

Гозентуд А. Достоевский и музыкально-театральное искусство. – Л.: Советский композитор, 1981. – 224 с.

Гнедич П.П. Хроника драматических спектаклей на императорской сцене 1881-1890 // Сборник историко-театральной секции. – Петроград: Народный комиссариат по просвещению, 1918. – Т. 1. – С. 17; с. 1–66 (6-я пагинация).

Григорьев А.А. Русский театр. По возобновлении в первый раз (Посвящается гг. артистам Александринской сцены) // *Григорьев А.А.* Эстетика и критика / вступ. статья, сост. и прим. А.И. Журавлевой. – М.: Искусство, 1980. – С. 397–407.

Едошина И.А. «А я, душа театра...» А.Н. Островский. – Кострома: Костромаиздат, 2013. – 320 с.

Коган Л.Р. Летопись жизни и творчества А.Н. Островского. – М.: ГИЗ Культурно-просветительской литературы, 1953. – 408 с.

Константин Коровин вспоминает... / сост., авторы вступ. статьи и коммент. И.С. Зильберштейн, В.А. Самков. – М.: Изобразительное искусство, 1990. – 608 с.

Островский А.Н. Гроза // *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: в 12 т. – М.: Искусство, 1974. – Т. 2 / ред. тома Е.Г. Холодов. – С. 209–266.

Островский А.Н. Письмо А.Н. Островского к М.П. Погодину от 30 сентября 1853 г. // *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: в 12 т. – М.: Искусство, 1979. – Т. 11: Письма (1848-1880) / ред. тома В.Я. Лакшин. – С. 57–58.

Островский А.Н. Письмо А.Н. Островского к А.А. Григорьеву (отрывок). Конец 1862 г. // *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: в 12 т. – М.: Искусство, 1979. – Т. 11: Письма (1848-1880) / ред. тома В.Я. Лакшин. – С. 165–166.

Островский А.Н. Письмо А.Н. Островского к Ф.А. Бурдину от 24-25 октября 1866 г. // *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: в 12 т. – М.: Искусство, 1979. – Т. 11: Письма (1848-1880) / ред. тома В.Я. Лакшин. – С. 234.

Островский А.Н. Письмо М.Н. Островского к А.Н. Островскому от 9 января 1869 г. / статья и публ. И.С. Фридкиной // Письма М.Н. Островского к А.Н. Островскому. Литературное наследство. – М.: Наука, 1974. – Т. 88: А.Н. Островский. Новые материалы и исследования: в 2 книгах, кн. 1. – С. 254–255.

Погодин М.П. Речь М.П. Погодина 26 февраля 1856 г. на торжественном обеде в зале Купеческого собрания // Московские празднества в честь Севастопольских моряков / подгот. к публ. М. Бирюковой и А. Стрижевым. – Режим доступа: <http://www.voskres.ru/history/pogodin.htm> (дата обращения 23.07.2020)

Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии с примечаниями и объяснениями М. Погодина. Часть I. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1866. – 407 с.

Портретная галерея «лиц, дорогих нации» П.М. Третьякова / автор-сост. и автор вступ. статьи Т.Л. Карпова. – М.: ГТГ, 2014. – 328 с.

Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. Русский хозяин: Статьи об иконе / сост., вступ. заметка и коммент. М.Л. Гринберга, В.В. Нехонина. – М.; Иерусалим: Мосты, 1994. – 240 с.

1000 лет русского предпринимательства: из истории купеческих родов / сост., вступ. статья, примеч. О.А. Платонова. – М.: Современник, 1995. – 479 с.

References

Averkiev, D.V. (1932). Pis'mo D.V. Averkieva k A.N. Ostrovskomu ot 26 sentyabrya 1864 g. In *Neizdannye pis'ma k A.N. Ostrovskomu. Po materialam Gos. teatral'nogo muzeya im. A.A. Bahrushina*, p. 7. Moscow; Leningrad.

Afanas'ev, A.N. (1984). Pis'mo A.N. Afanas'eva k E.I. Yakushkinu ot 29 noyabrya 1855 g. / O.M. Fel'dmana (introductory art.); T.M. El'nickaya, N.N. Panfilova, O.M. Fel'dman (comm.). In *Mihail Semenovich Shchepkin: Zhizn' i tvorchestvo: v 2 t. T. 2.* (pp. 145–148). Moscow: Iskusstvo.

Boborykin, P.D. (1966). Ostrovskij na lyubitel'skoj scene. A.I. Revyakin (comp., preparation of text and notes, comm.). In *A.N. Ostrovskij v vospominaniyah sovremennikov*, (pp. 183–188). Moscow: Hudozhestvennaya literatura.

Burdin, F.A. (1886). *Kratkaya azbuka dramaticheskogo iskusstva. Prakticheskie sovety molodym lyudyam*. Moscow: Izd-vo teatral'noj biblioteki S.F. Razsohina.

Burdin, F.A. (1966). Iz vospominanij ob A.N. Ostrovskom. Materialy dlya biografii. A.I. Revyakin (comp., preparation of text and notes, comm.). In *A.N. Ostrovskij v vospominaniyah sovremennikov*, (pp. 328–340). Moscow: Hudozhestvennaya literatura.

Buryshkin, P.A. (1991). *Moskva kupecheskaya: Memuary*. G.N. Ul'yanovoj, M.K. Shacillo (introductory art., comm.). Moscow: Vysshaya shkola.

Gilyarovskij, V.A. (1988). *Moskva i moskvichi*. Tashkent: Uzbekistan.

Gozenpud, A. (1981). *Dostoevskij i muzykal'no-teatral'noe iskusstvo*. Leningrad: Sovetskij kompozitor.

Gnedich, P.P. (1918). Hronika dramaticheskikh spektaklej na imperatorskoj scene 1881–1890. In *Sbornik istoriko-teatral'noj sekcii. T. 1*, (pp. 17; 1–66). Petrograd: Narodnyj komissariat po prosveshcheniyu.

Grigor'ev, A.A. (1980). Russkij teatr. Po vobnovlenii v pervyj raz (Posvyashchaetsya gg. artistam Aleksandrinskoj sceny). A.I. Zhuravlevoj (introductory art., comm.). In Grigor'ev A.A. *Estetika i kritika*, (pp. 397–407). Moscow: Iskusstvo.

Edoshina, I.A. (2013). «*A ya, dusha teatra...*» *A.N. Ostrovskij*. Kostroma: Kostromaizdat.

Kogan, L.R. (1953). *Letopis' zhizni i tvorchestva A.N. Ostrovskogo*. Moscow: GIZ Kul'turno-prosvetitel'skoj literatury.

I.S. Zil'bershtejn, V.A. Samkov (comp. introductory art., comm.) (1990). *Konstantin Korovin vspominaet...* Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo.

Ostrovskij, A.N. (1974). Groza. In Ostrovskij A.N. *Polnoe sobranie sochinenij: v 12 t.* E.G. Holodov (ed.). T. 2, (pp. 209–266). Moscow: Iskusstvo.

Ostrovskij A.N. (1979). Pis'mo A.N. Ostrovskogo k M.P. Pogodinu ot 30 sentyabrya 1853 g. In Ostrovskij A.N. *Polnoe sobranie sochinenij: V 12 t. T. 11. Pis'ma (1848–1880)*. V. Ya. Lakshin (ed.), (pp. 57–58). Moscow: Iskusstvo.

Ostrovskij, A.N. (1979). Pis'mo A.N. Ostrovskogo k A.A. Grigor'evu (otryvok). Konec 1862 g. In Ostrovskij A.N. *Polnoe sobranie sochinenij: V 12 t. T. 11. Pis'ma (1848–1880)*. V. Ya. Lakshin (ed.), (pp. 165–166). Moscow: Iskusstvo.

Ostrovskij, A.N. (1979). Pis'mo A.N. Ostrovskogo k F.A. Burdinu ot 24 25 oktyabrya 1866 g. In *Tam zhe*, (p. 234).

Ostrovskij, A.N. (1974). Pis'mo M.N. Ostrovskogo k A.N. Ostrovskomu ot 9 yanvarya 1869 g. I.S. Fridkina (art. & publ.). In *Pis'ma M.N. Ostrovskogo k A.N. Ostrovskomu. Literatura*

turnoe nasledstvo. T. 88. A.N. Ostrovskij. Novye materialy i issledovaniya: v 2 knigah. Kniga pervaya, (pp. 254–255). Moscow: Nauka.

Pogodin, M.P. Rech' M.P. Pogodina 26 fevralya 1856 g. na torzhestvennom obede v zale Kupecheskogo sobraniya. M. Biryukovoj & A. Strizhevym (publ.). In *Moskovskie prazdnestva v chest' Sevastopol'skih moryakov*. Retrieved from: <http://www.voskres.ru/history/pogodin.htm> (data obrashcheniya 23.07.2020)

Pogodin, M.P. (1866). *Nikolaj Mihajlovich Karamzin po ego sochineniyam, pis'mam i otzyvam sovremennikov. Materialy dlya biografii s primechaniyami i ob'yasneniyami M. Pogodina. Chast' I*. Moscow: Tip. A.I. Mamontova.

T.L. Karpova (auth.-comp. & introductory art.) (2014). *Portretnaya galereya «lic, dorogih nacii» P.M. Tret'yakova*. Moscow: GTG.

Ryabushinskij, V.P. (1994). *Starobryadchestvo i russkoe religioznoe chuvstvo. Russkij hozjain. Stat'i ob ikone*. M.L. Grinberga, V.V. Nekhonina (comp., introductory art. & comm.). Moscow; Ierusalim: Mosty.

O.A. Platonova (comp., introductory art., notes). (1995). *1000 let russkogo predprinimatel'stva: Iz istorii kupecheskih rodov*. Moscow: Sovremennik.